

ЮРИЙ ГОРЮНОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

16+

Юрий Горюнов
Возвращение...

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Горюнов Ю.

Возвращение... / Ю. Горюнов — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Он долгие годы жил надеждой на встречу со своим прекрасным прошлым, в котором была любимая девушка. Случайность встречи казалась ничтожной, но свершилась. Теперь надо принять решение: вернуться к привычной жизни или вернуться в прошлое.

ВОЗВРАЩЕНИЕ...

Не медленно. Не может время ждать!
Оно упущенное может лишь отнять.
Сказать о самом главном, о простом
Не оставляя чувства на потом....

Приезд

Я возвращаюсь... В очередной раз я возвращаюсь в свой родной город. Не могу похвалить себя, что делаю это часто, но он мне нужен – город моего детства, юности. Появляется жуткая потребность окунуться в атмосферу своей памяти, памяти на яву, которую хранил в себе, порой она отступала в глубины моего я, а порой захлестывала и становилась почти реальной. Хотелось почувствовать, претворить свою память в реальность, увидеть то, что так бережно храню – черты моего родного города, увидеть новое, но, наверное, больше увидеть то, что было, что сохранилось в том виде, который сохранился до подробностей в памяти, когда стоит закрыть глаза и всплывают знакомые очертания домов, изгибы улиц, скверы. Вот и сейчас мне нужен воздух родного города, его ритм. Вдохнуть его воздух, его эмоции. Я возвращаюсь к его людям, улицам, площадям. Как ты жил без меня? А как я без тебя? Да, в целом, вроде бы жил, что-то ускользало, не цепляясь за углы памяти, но всегда помнил тебя, где бы ни был. Ты везде оставался со мной мой город, который я помнил, любил. Но не хватало чувства дома, чувства привязанности. И вот теперь я возвращаюсь. Много раз мысленно я приезжал и ступал на перрон знакомого вокзала, но каждый раз что-то мешало: дела, заботы. На какой срок приехал в этот раз, я не знал, но знал, что мне это необходимо. Мне это нужно, как воздух, которым я дышал в детстве. Воздух, который я хочу вдохнуть снова. Ностальгия? Да, ностальгия по ушедшему, которое не вернуть, которая зовет, манит. Не всегда она на пользу и приятна, но от нее не спрятаться. Можно сделать вид, убеждая себя, что все ерунда, но стоит остаться одному, как она забирает тебя целиком и не отпускает, пока не прогонишь прочь, зная, что она снова вернется.

Вот так и я, съдаемый ностальгией по упущенному, хотел приехать и оттягивал этот приезд, зная, что не все так просто и легко. Уехав из этого близкого мне города достаточно давно, я всегда старался приехать в него. Иногда сам не знал зачем. Зачем в этот раз? Я только баюкал свою идею о необходимости этой поездки. Причины были и не одна. В некоторых я сам боялся себе признаться. Что это? Малодушие? Эмоции? Посмотрим, как развернутся события.

А пока, щемящее чувство сжимало сердце. Да, здравствуй ностальгия. Тихое, ласковое слово, в котором воплощены мысли, чувства, надежды на возможность исправить упущенное, пусть очень призрачное, в которое верилось с трудом самому, но в которое хотелось верить, что еще могу исправить или создать. Хотелось верить, что надежды не будут напрасны. Пусть не удастся осуществить их все, но может быть я успокоюсь, что моя робкая попытка все-таки была. Ностальгию обычно, испытывают в разлуке или в память о прошлом. Моя была чувством настоящим, сегодняшним.

Каждый раз приезжая, я испытывал какое – то необыкновенное чувство, не подвластное уму, подвластное лишь ощущениям. Что-то необъяснимое происходило во мне, словно пере-страивалось все в душе. Она настраивалась на новый ритм, ее звучание было иным, более спокойным, созерцательным. Я впитывал в себя звуки города, пытаюсь настроиться с ним в одну тональность.

И вот я стоял на перроне знакомого вокзала, слушал город, чувствуя себя одиноким. Меня никто не встречал, мне не нужно было спешить по делам. И я, как одинокий путник на случайном перегоне, испытывал зависть к тем, кто стремился быстрее уйти к своей цели.

Я же просто стоял. Странное чувство, что надо идти, а я просто стоял, впитывая в себя чувство свободы и радости. Свободы, которая привела меня на этот перрон, в моем родном городе. Свобода, что не нужно спешить, а можно насладиться неторопливостью, что не нужно никому ничего говорить и никто не будет ничего спрашивать. И от этого становилось весело. Какая – то странная радость заполняла меня одинокого путника среди толпы.

Как камень, брошенный на мелководе, обтекает вода, пенясь и шумя, словно ворчит на ненужность его, возмущаясь препятствием на своем пути, так и я стоял в потоке пассажиров. Люди обходили меня, натываясь, возмущаясь, а я просто стоял и наслаждался нахлынувшим шумом города. Я наблюдал за людьми, которые спешили влиться в улицы города, растворившись среди его жителей.

Двери вокзала всасывали в себя всех страждущих оказаться по ту сторону жизни, как бы разделенных на пассажиров и жителей города. Мне было интересно наблюдать, как претворяются в человеческой психологии законы физики. Те, кто подходил к двери сбоку, в итоге проходил раньше, чем те, кто шел напрямую. Все реально. Кратчайший путь не есть прямая. Кажется это из геометрии Лобачевского.

Перрон потихоньку пустел. Остались лишь служащие, которые наблюдают данную процедуру приезда каждый день. Бригада проходила вдоль состава, проверяя буксы колес. Другие, одетые в традиционные оранжевые жилетки начали подметать перрон, переговариваясь. Проводники поднялись в вагоны. Настало и мое время продолжать путь к дому, в котором меня никто не ждал.

Я подхватил свою сумку и направился к стоянке такси. Прошли те времена, когда за такси надо было гоняться. Теперь все наоборот. Не надо упрашивать. Теперь упрашивают нас. Только плати.

Садясь в такси, я снова и снова смотрел на обновленный город. Здравствуй! Я вернулся. Это я. Твоя частица. Сколько памяти на твоих мостовых, среди них есть и моя. Прими меня. Оправдай мои надежды.

Назвав адрес, я устроился на заднем сиденье. Не люблю сидеть впереди. Это укорачивает дистанцию с водителем и предусматривает, хоть какой-то разговор. Когда сидишь сзади, словно барьер отделяет тебя и можно заниматься своими мыслями, когда они есть. Я вспомнил, с чего началось мое возвращение. С необычного разговора, даже фразы.

Начало истории

– Чтобы идти вперед, надо сначала оглянуться назад, но так, чтобы не свернуть себе шею.

– Вот именно. Все наши взоры в прошлое связаны с людьми, с нашим к ним отношением.

В основном хочется вспоминать лучшее, что щемит сердце, с состоянием влюбленности, этаким эйфории, по возможно, лучшим прожитым мгновениям.

– Да, состояние влюбленности вещь хрупкая, не постоянная. Место, где мы сидим, тоже создавалось с идеей дать почувствовать людям, что здесь витает любовь. Любовь между мужчиной и женщиной.

Этот разговор происходил в одном из вновь открытых кафе с романтическим названием «Ты и Я», владельцы которого пригласили меня на открытие, и где встретил знакомые лица. Его сразу между собой назвали «Who is Who». Надо отдать должное, что стиль кафе располагал к беседе. Из – под потолка лился рассеянный мягкий свет ровно на столько, чтобы было видно обстановку, но при этом не ослеплял. Равномерность света не создавала теней, что было оригинально, словно посетители окунались в мир только своего я и мир собеседника, не отвлекаясь на движения теней, чтобы, как в сказке тень не могла влиять на своего хозяина.

Стены были покрыты темно – синей материей, которая приглушала звуки разговоров. В основном столики были на двоих, но были и на более многочисленные компании, но не более чем на четверых. Наша компания, а это был Дмитрий, мой коллега журналист, Андрей – режиссер, Ксения – ведущая одного из многочисленных ток–шоу и я, расположилась в дальнем углу зала.

– Влюбленность легкомысленна – сказал я. – Она легка, непослушна. Она, как легкий ветерок в летний зной приносит удовлетворение, чтобы потом снова сдвинуть душу. Но оставляет твою индивидуальность, оставляет твое «Я» для тебя, которое подчиняется только тебе, твоим капризам. Любовь забирает твое «Я» и растворяет его в другом человеке. Влюбленность эгоистична и требует постоянного внимания, любовь – величина постоянная. Тот, кто любит больше отдает, чем получает, не требуя ничего взамен. Любящий счастлив уже тем, что он любит. И не всегда, тот, кого любят, знает об этом. Иногда ему это и знать не надо, потому, что он может тоже кого–то любить, и если человек познал любовь, ему будет больно знать и понимать, что он не может ответить взаимностью. Любить можно и, не находясь рядом с любимым человеком, как бы это ни было печально.

– Ну, ты лирик или философ – подал голос Дмитрий. – Может быть, у тебя есть и формулировка любви?

– Да, ты знаешь есть. Я сформулировал себе – «Любовь – это сказка, которую хочется читать всю жизнь, но так и не дочитать до конца». Спорно? Пусть. Но в любви не хочется окончания, да и как оно может быть пока человек жив.

– С этим трудно не согласиться. Но в состоянии влюбленности хочется пребывать, как можно дольше.

– Ты путаешь любовь и влюбленность. Хотя и в том и в другом состоянии человек счастлив. Я думаю, что многие, если не большинство, за свою жизнь не познают любви. Не значит, что их жизнь не удачна. Она у них просто своя. Со своими тревогами, радостями, бессонными ночами. И они по – своему, счастливы.

– А ты был счастлив? – спросила Ксения.

– Думаю, что каждый из здесь сидящих был. Я не исключение, и надеюсь, что испытаю это снова. Счастье понятие относительное. Все познается в сравнении, и что был по – своему счастлив, понимаешь потом. Избитая фраза «Что имеем, не храним – потерявши плачем» – подходит для выяснения относительности счастья. Кто из нас не пережил моменты счастья, яркого, острого, когда спешишь на свидание, а сердце сжимается в защитной реакции, сладостной истоме от предстоящей встречи.

Не всегда человек способен сказать: – «Я счастлив». Когда человек счастлив, время словно останавливается и исчезает, а потом замечаешь скачок времени. Но счастье это не только любовь.

– Ты так красиво говоришь – заметил Дмитрий, – что, наверное, тебе пора начать писать не только статьи. У тебя неплохо, получается излагать свои мысли, а читающим людям, просто бывает необходимо прочесть мысли, которые отражают их состояние.

– До этого не дошло. У каждого из нас свое состояние, которое индивидуально, своя память, хотя слова одни и те же, но сила мысли и чувств – разные.

– А может быть стоит попробовать? – подал голос Андрей. Он до этого сидел и слушал наш разговор. – Не так много лирики. Пишется много, но...

– Масштабное все написано. Остальное брызги. Идет игра слов – ответил я.

– Не передергивай. Можно попробовать написать пьесу, сценарий. Если удачно я возьмусь за постановку.

– Ну, ты хватил!

– Да я серьезно. Ты много общаешься, кому как не тебе известны характеры людей, привычки. Это же практически твоя жизнь.

– Нет, это не для меня. Пьесы, сценарии это же совсем другой вид творчества.

– Тогда напиши рассказ, а там посмотрим. Я покажу издателям, посмотрят, оценят. Неужели слабо? А амбиции? Дерзай!

– Дерзай! Сейчас таких, как я пишущих ой, как много. А много ли печатается? Новых имен не так много, да и их надо раскручивать. Издают известных или классиков.

– А что классики сразу стали классиками?

– Не сразу. Но издательский бизнес – это узкий круг, туда просто так не пустят. Риск для издателя велик. Чтобы печатали с первого раза надо быть гением в литературе, мастером пера, а не подмастерьем. А кто пишет, все равно считает, что, по крайней мере, он если не гений, то уж не хуже других. А зачем еще один в ряду не хуже? А талант товар штучный. Им Господь не всякого награждает. Да и книгу надо преподнести. Покупатель рассматривает на прилавке книги и смотрит ее оформление, название, затем пролистывает ее и если с первых строк захватывает, трогает его струны, в зависимости от настроения, тогда покупает. Легкое чтение – это то, что можно читать везде. Эти книги покупают на раз. Их не берегут. Книгу, которая склоняет к размышлению прочитанного, выбирают, присматриваются и берегут.

– Если бы в школьных программах не было классиков, знали бы мы их сейчас так массово? – поддержала меня Ксения. – Не факт, чтобы их издавали сейчас. Я не уверена, что если бы Лев Толстой не написал в свое время «Войну и мир», а написал ее кто-то из наших современников ее издали бы. То же самое и «Евгений Онегин». Произведение гениальное. И хорошо, что нас заставляли учить в школе, но много ли поэзии печатают? Представь себе приходит молодой автор и приносит «Войну и мир». Да издатель от одного объема удивиться, не то, что печатать. Классики писали, когда не было ни радио, ни телевидения. Раньше выходили альманахи – сборники произведений молодых авторов. А сейчас? Ребята, не считайте меня каким – то чудовищем, но времена иные, иные и потребности. А особенно возможности.

– Ксюша, а ты сделай очередную программу на тему «Что и как мы читаем? И что хотели бы читать?» Я все – таки предлагаю Максиму попробовать – продолжил Андрей. – Используй шанс помощи. Все когда-то начинали. Даже если не пройдет, то перо отточешь. Профессиональному журналисту это на пользу.

– Да я не знаю с чего начинать, чтобы заинтересовать читателя.

А ты начни с нас, с этого кафе, с этой встречи.

– Нет, сюжет должен быть другим. Вам что, не хватает в своем кругу писателя? – пытался защищаться я.

– Хватает. Но они сами по себе, а ты у нас – подал реплику Дмитрий. – А так если получится, то мы оставляем за собой право сказать, что это мы разглядели талант и вынудили его на сей труд. И кафе станет знаменитым. Ты же был в Париже и видел на маленькой узенькой улочке кафе в районе Латинского квартала, где бывали все знаменитости. Может быть, это кафе ждет та же участь. Начнем с тебя.

– А как насчет жертвенности в любви? Положить ее к ногам любимого человека? – снова спросила Ксения.

– Я не очень верю в это. Что значит жертвенность? Жертва это если чем-то поступаешься, от чего-то отказываешься, ради цели. Чтобы получить или свершилось что-либо. Древние приносили жертву, задабривая богов. Во время войн жертвуют жизнью ради спасения других. А какая жертва нужна любви? Ради чего? Чтобы другому было лучше? В единичном случае возможно. Но исключение только подчеркивает правило. Пойти на уступку своей жизни, пытаюсь сделать приятное любимому человеку. А потом? Ну, лучше ему, приятнее. Что достается тебе? Мучение, обида. Ты достиг, чего хотел? Нет. Тот, кто принимает жертву, считает это как должное. Он позволяет себя любить. В этом случае с его стороны любви нет. Есть влюбленность со своим эгоизмом, который иногда делает мелкие уступки.

– Но в любви всегда один командует над другим – сказа Ксения.

– Ты можешь себе представить командира в любви? Я – нет. Человек может всю жизнь прожить, жертвуя собой, ради эгоизма другого, который только растет. А что на финише жизни? А спросить себя – страшно. Ответ будет жестким. К, сожалению, это понимаешь с возрастом. В молодости все видится иначе. Молодость имеет большой запас времени и рассчитывает исправить, учесть прежние ошибки, повлиять на любимого человека. Как только начинает понимать, что жертвует, получает удар. До этих пор он не жертвует, а пытается спасти свою любовь, вступая в полосу эгоизма. А она нужна твоя любовь? Но все приходит со временем. И судьба у каждого своя. Поэтому я не верю в жертвенность в любви ради любви.

– А ты сам эгоистичен?

– Конечно. Я не исключение в тех рамках влюбленности. Но в жертву пока ничего не приносил, и принимать не хочу.

Так за шутками была вброшена в мою память идея творчества. Возможно, она упала на вспаханную почву. «О чем писать», – думал я. Иногда идея возникала в памяти, но потом быстро исчезала, оставляя шлейф мыслей о том, что навещали меня.

Я честно несколько раз пытался начать работу, но, увидев перед собой чистый лист, мои мысли витавшие до этого стройными строчками, превращались в набор слов, скачущих, как попало и часто не связанных между собой. И это у меня журналиста! Посидев так несколько минут – я откладывал бумагу. Я представлял, о чем буду писать, и даже придумал рабочее название «Жизнь за кадром». Что получится, рассказ или что-то более масштабное. На основе моих встреч с разными людьми, написать про жизнь артиста за кадром, по ту сторону операторской камеры. Я стал делать наброски, записывать отдельные моменты. Таким образом, накапливался материал, а времени привести это в порядок, не было. И я решил, что надо взять отпуск. Так и сделал.

Вот так и началась моя история. С обычного разговора, на обычной встрече. Наверное, все начинания возникают, буднично, с идеи, поступка, которые дают толчок развитию событий.

Снова дома

Воспоминания пронеслись в моей голове, я вернулся к реальности и посмотрел в окно машины, которая неслась по таким знакомым и в тоже время новым улицам. Июньское утро заставило просыпаться город. Был тот час, когда солнце еще не вступило в свои права и не обдавало жарой. Утренняя прохлада радовала и позволяла дышать легко и свободно, не прячась от палящих лучей. Город, казался чистым и прибранным. Именно казался. Не значит, что он весь в грязи. Но это особое свойство. Эффект прибытия. Так бывает, когда после отсутствия возвращаешься в родные места. И город, кажется чище, как будто он прихорашивался к твоему приезду и ждал тебя, соскучившись в разлуке. И только потом начинаешь замечать, что дворники не везде одинаковы.

За время моего отсутствия город изменился, как и я. Появились подражания столичному блеску вперемишку с атрибутами провинциального города. Я не узнавал знакомых мест, как обычно бывает, когда долго отсутствуешь. Даже хорошо, знакомые улицы, по которым много раз ходил, в этот момент утрачивают свою реальность. Это был для меня другой мир. Скоро он станет моим и все будет привычно, но пока для меня он был иной, завораживающий, сулящий неожиданности.

В голове вертелась мысль, что я еду домой. В свой дом. Да, у меня была квартира в Москве, но это был иной дом. Здесь дом детства. В квартире никто, не жил. Она пустовала. Я ее берег, не продавал и не сдавал. Это был мой запасной аэродром. За ней ухаживали, периодически проветривали, убирались. Поэтому она должна быть в приемлемом виде. Мне хотелось уединиться, и я хотел иметь на это право. Чувство, что в ней кто-то жил не для меня. Чужой дух будет витать, а мне не хотелось его ощущать. Это был мой дом.

Я нащупал в кармане ключ. Когда поезд подходил к городу, я его достал и переложил в карман пиджака. Он всегда практически был со мной, где бы я ни был. Он придавал чувство уверенности, некоей стабильности. Я знал, что есть заветная дверь, которую откроет этот ключ, хотя за ней меня уже никто не ждал. Жаль. Но так есть. Теперь это был ключ моей памяти.

Большинство людей чувствуют себя увереннее, имея ключ от входной двери. Именно входной, которая, впускает тебя в твоё жилище. Не говорят от выходной двери. Нет именно входной. Выход из квартиры чаще всего есть, а вот есть ли вход в нее. Человек теряется, когда обнаруживает пропажу ключа. В первое время охватывает волнение или страх. И не только за то, что кто-то, чужой проникнет в дом. Это потом. А первоначально чувство пустоты, чувство бездомности. Вот недавно был и вдруг исчез. Кто ты теперь? Бомж? Нет, нет. У меня есть жилье, но тревога попасть в него не пропадает. Это потом ясно, что откроют, но в первый миг – инстинкт бездомности еще не осознанный на секунды накрывает.

Пока я размышлял о бездомности и входных дверях, такси подъехало к дому.

Это была обычная «хрущевка». Сколько лет стоит. Скольким она позволила выехать из барачков. Помню однокомнатную квартиру на пять человек. И переезд считался как переезд во дворец.

Я подошел к двери, достал из кармана ключ, повернул его в замке, открыл дверь и перешагнув порог родного дома, замер на мгновение, чтобы ощутить тишину.

Я прошелся по квартире. Квартира выглядела также, как я ее оставил много месяцев назад. Везде царил порядок. В зале, как и прежде у стены стоял стол, а вокруг него три стула. У окна телевизор, у противоположной стены два кресла с журнальным столиком. Напротив стола небольшая стенка с посудой и прочими домашними вещами. В маленькой комнате стояли диван, шкаф для одежды и письменный стол. Я осмотрелся – обычная обстановка такого типа квартир. Пройдя на кухню и открыв холодильник, обнаружил, небольшой запас продуктов. И самое главное для себя я обнаружил в шкафу – кофе. Все это было заслугой тети Иры, которая присматривала за квартирой.

Вот он мой кров, мое убежище, моя берлога. Сколько здесь проведу времени, знает только ведунья судьба. Очевидно, немало времени нам придется провести вместе. Ты будешь знать мои мысли первой. Прими меня.

Я начал разбирать свои вещи и раскладывать их по местам: одежду в шкаф, бритвенные принадлежности в ванную, папку с набросками книги положил на стол. Хотелось, чтобы дом принял вид жилого, и в нем чувствовалось присутствие человека. Когда в доме порядок он с тобой заодно, а так каждый сам по себе. Разобрав вещи, достал со дна сумки толстую тетрадь в темно – синем коленкором переплете, улыбнулся, глядя на нее и захватив с собой, прошел на кухню. Положив тетрадь на стол, зажег спичку и поднес к газовой горелке, которая полыхнула, синим пламенем. Поставив кипятиться воду в чайнике, я пошел принять душ, чтобы смыть дорожную пыль. Посмотрев на себя в зеркало, и проведя рукой по щеке, решил, что не мешает побриться. Это трехдневная щетина или борода могут быть аккуратными, а однодневная – это распушенность, лень и неуважение к себе.

Когда вернулся на кухню в свободных легких джинсах и футболке, чайник тихонько фыркал, как бы призывая, что пора. Я положил в турчанку кофе, залил водой и стал ждать, когда кофе сварится. Во мне пробуждалось новое чувство, что-то похожее на урчание чайника. Мне нравилось начинающийся день. Я мысленно прорабатывал забавные варианты своих действий на день. Дождавшись, когда кофе сварится, я налил его в чашку, сел к столу и открыл тетрадь.

Это был дневник моей юности. Ему было уже лет двадцать. Страницы пожелтели от времени, поистрепались, края листов были уже потертые и местами согнулись от частых перемещений из сумки в сумку и редкого перелистывания. Время еще не стерло чернила с листов, хотя они уже заметно поблекли. Так уж случилось, что в семнадцать лет я начал вести дневник, которому поверял свои чувства, мысли, что в то замечательное время захватывали меня, одо-

левали. В них была простота, наивность, но они были искренними. У юности нет комплексов, которыми мы обрастаем, идя по жизни, во всяком случае, иные не так жестки. Вот так и идешь из детства к юности и далее и однажды обнаруживаешь, что вчерашние мальчишки стали юношами, а девчонки девушками. Если раньше все играли вместе, то потом компании собираются по половому признаку. Но даже тогда вчерашние девчонки были для меня просто друзьями.

Этот дневник был мой амулет. Долгое время, пока я учился в институте, он лежал в ящике стола, словно ждал меня, но я к нему не притрагивался, не видел в этом смысла. Перечитывать, что было написано под наплывом юношеских чувств, не хотелось. Возможно, если бы его тогда прочитал, его бы и не было. Почти наверняка выбросил бы, как неудачный период в своей жизни. Но такого не произошло, чему потом я был неоднократно рад. Уезжая в Москву, я взял его с собой. Это была частичка моего я, и оставлять ее одну не хотелось. Потом стал брать дневник в командировки, все-таки что-то родное. Так он и ездил со мной. Вот и потрепался от путешествий.

Тетрадь не была исписана до последней страницы. Не законченный дневник словно ждал продолжения, а его все не было вот уже двадцать лет.

Это был не законченный роман моей юности, моей первой, и кто знает, может быть и последней, любви. Дописать его я не сумел, а выдумывать окончание не хотелось. Он был посвящен всего одной девочке, моим отношением к ней. И писать в нем о ком – то, еще, тогда не смог бы, потом было не до него, а затем просто кошунством к памяти того времени. Да и другая, с моим отношением к ней в этом дневниковом романе, была бы уже лишней.

Иногда, я пролистывал его, читая отдельные страницы, вызывая в памяти краски того времени.

Вот и сейчас, отпивая обжигающий кофе, я поддался порыву, пролистать его, но, решив не впадать в ностальгию, глубоко вздохнув, отложил тетрадь, проведя пальцами по страницам. Не время. Меня ждут иные великие дела. Интересно только, где сейчас эта девочка? По-прежнему живет в этом городе или уехала? Наверное, уже замужем, и, наверное, есть дети. Интересно было бы ее увидеть. Какая она стала? Узнал бы, я ее или нет? А она меня? Хотя меня вряд ли.

Хватит предаваться иным мыслям, есть иные вещи, ради которых и приехал. И я сказал вслух: – Дела и другая женщина.

Утро

Сегодня с утра шел дождь. Летний дождь, когда ощущение времени несколько стирается и ждешь, что скоро тучи разойдутся, и снова выглянет солнце, которое начнет играть бликами в лужах.

Я люблю дождь. Не осенний, заунывный, серый, мрачный, который льет несколько дней и приносит угнетающее чувство замкнутости пространства, когда он порывами ветра рвет с деревьев листья и кружа их и разнося по земле.

Я люблю не долгий дождь. Люблю, чтобы он барабанил крупными каплями по стеклу и, стекая ручейками, рисовал причудливые узоры.

Такой летний не продолжительный дождь давал возможность сказать себе: – «Ну, вот. Значит, опять откладывается поход по делам. Я сегодня ленюсь».

Это обычная лень, которая давала возможность никуда не идти, ссылаясь на дождь. Становилось легко и непринужденно, что можно ничего не делать, а просто заняться простыми вещами: читать, смотреть телевизор. Появлялся повод к относительному безделью. За это я и любил дождь.

Мне нравилось смотреть за окно, на одиноких прохожих, которые вынуждены, были идти по делам, что давало некое чувство превосходства над ними в данный момент. Нахождение

в замкнутом пространстве не приносило неудобств, а только меланхолию. Глядя на дождь, вспоминается прошлое, строятся планы на будущее.

Итак, сегодня шел дождь. В общем, я жил своим временем, а мысли были предоставлены сами себе и находились в свободном полете, перелетая из одной темы в другую. Легкость и непринужденность. Ощущение, что скоро станет ясно. И когда первые проблески солнца сквозь редеющие тучи начинают пробиваться и бить в лужи, отражаясь цветами радуги, возникает чувство новизны, свежести и обновления.

Поэтому утром, когда я увидел дождь, то не огорчился, так как спешить мне было некуда. Это было сигналом, что пора работать, согласно установившемуся режиму.

Я уже несколько дней находился дома, позволяя себе иногда вылазки в магазин, чтобы заполнить холодильник. Распорядок дня установил. Утром я готовил холостяцкий завтрак и обязательно варил кофе. Иногда, чтобы разнообразить вкус добавлял чуть соли и корицы. Запах вареного кофе разносился по квартире, и я чувствовал, что начался новый день. Потом садился за стол, обдумывая сюжет. Были наброски, о чем я хотел писать в надежде, что кто-то их потом напечатает и прочтет. Если получится. Мне нравилось работать с бумагой и ручкой. Конечно, веяния времени требовали своего, и я применял в работе диктофон, компьютер, но первоначальные записи любил делать ручкой. Что-то было в этом необъяснимо притягательное, когда ручка спешит за мыслями, порой не успевая, которые пытаются выстроиться и поднимают в голове такой шум, что не успеваю все их записать, и что-то исчезает. Но навыки работы давали всходы, и дело продвигалось.

Я давно работал журналистом, и думаю не плохим. Был узнаваем в редакциях, экономических и политических кругах. Старался писать и говорить о том, что мне близко самому. Поэтому со временем обо мне сложилось определенное мнение и мое имя позволяло попасть, на конференции, встречи, тусовки, когда хотел. Я не копался в грязном белье известных людей. Я давал им возможность сказать о положении вещей то, что они хотели бы сказать близким. Заранее готовился к встрече. Принцип простой – чтобы я сам сказал, если бы оказался по другую сторону. Вот и готовил встречу. Мне не было стыдно за написанное, и всегда был готов отвечать – кому угодно, где угодно за свои слова.

Порядочность, как и невинность, дается от природы один раз – теряется мгновенно.

Я хотел быть честным и порядочным и старался не скатиться до желтой прессы. Мои статьи часто были об экономике, политике. Хотя сами темы не располагали к честности. Возможно, да и очевидно, что то, о чем я писал, не интересовало десятки миллионов читателей. Но. Но рано или поздно каждый интересовался этими темами, так как это была наша ежедневная жизнь. При всем многообразии встреч, как всегда что-то оставалось за «кадром».

Поэтому, занимаясь завтраком, глядя, изредка на дождь за окном, испытывал двойное чувство: радости и грусти. Радости, что можно заняться делами, грусти потому, что мысли, которые отбрасывал в суете, вторгались и занимали всего. От них нельзя было просто так отмахнуться – они были везде.

Так занимаясь завтраком, я вспомнил встречу, которая произошла в один из первых дней моего приезда. Это была случайная встреча. Я никому не звонил, чтобы не нарушать свой режим работы, потому что знал, что потом восстановить будет его сложно. Но все так выбирался в город, побродить, посмотреть, развеяться. В один из таких дней и произошла встреча.

Однокурсник

– Макс!

Я оглянулся. Мне показалось или кто окликнул? Нет, кажется меня, ко мне направлялся мужчина с широкой улыбкой на лице. Да, знакомое лицо. Это был мой однокурсник Николай. Коля.

Ну вот, кончилось одиночество на улице.

До этого я бродил по городу с видом праздного зеваки. Что и было в действительности. Заглядывал в магазины, радовался солнцу. Мысли бродили в голове сами по себе. Что вижу о том и думаю. Это чувство безделья успокаивало. Приятно иногда ничего не делать. Просто лениться. Время было около двух часов, но улица была заполнена народом, как будто никто не работал, как и я проводили время в ничегонеделании. Вот прошла стайка девушек, милых, юных, стройных. Весело разговаривая, они не забывали смотреть, какое впечатление они производят. Господи, да конечно чувство зависти у тех, кто старше, так как у вас еще так много впереди. Это потом вы перейдете в другую возрастную категорию. А пока ваши мысли, к счастью, не об этом, а том, как вы выглядите.

Пожилая пара сидела на скамеечке. Оба ухоженные, внимательные друг к другу. Мне нравились пожилые люди, которые вместе проводили время. Сколько ими пережито знают только они. Со временем любовь, если она была, перерастает в чувство уважения и признательности друг к другу. А это крепче просто эмоций. В своей жизни человек влюбляется множество раз, а вот любить дано не каждому. И как понять ту грань, между влюбленностью и любовью. Да и надо ли?

Итак, меня окликнули.

– Привет, Макс! Иду следом и думаю, ты или нет? – сказал Коля, – Что делает здесь столичный житель в это время дня, прохаживаясь по улице? Хорошо выглядишь.

– Привет Коль! Спасибо за комплимент, но и ты как вижу, не стал хуже, а только возмужал. С возрастом мужчины мужают, матереют. Особенно это вспоминается первого января. А вот женщины, увы, часто думают, наоборот, про себя.

Николай не был моим близким другом в годы студенчества, но мы часто проводили время в одних компаниях. Выглядел он действительно хорошо. На нем был темно – серый костюм в мелкую чуть заметную полоску, голубая рубашка и серо – синий галстук. Черные ботинки были начищены до блеска.

– Какими ветрами в нашем вернее, в родном городе? Ностальгия или дела?

– Он тоже подумал о ностальгии. Может это приходит с возрастом, – подумал я.

– Да просто в отпуске. Решил приехать на свою родину, побродить. Вот и гуляю сам по себе.

– А почему сам по себе? Что больше не с кем? Жена, дети?

– Да, знаешь как-то, вот жены нет, и не было. На счет детей не могу сказать с уверенностью. Помнишь, как наш преподаватель говорил – «Если ты видишь на улице одинокого ребенка, подойди и дай ему рубль, это может быть твой ребенок». Но пока никто прав на мое отцовство не заявлял.

– Не помню. Но сказано хорошо. Если ты гуляешь сам по себе, то может быть, посидим где-то, поговорим, что-то вспомним? У меня сейчас тоже есть свободное время.

– Идет. Только ты все-таки, местный и лучше знаешь места посиделок, где тихо и спокойно. Предлагай!

– Поехали. Тут не далеко есть ресторанчик, где и тихо и кухня не плохая.

Вспоминая прошлое, мы свернули в ближайший переулок, и подошли к машине. Это была вишневая «Ауди».

– Вот оно скромное обаяние буржуазии, – сказал я.

– Да, работаем, стараемся. Нам в провинциальном городе тоже есть, где на хлеб зарабатывать.

– Да тут не только хлеб. И чем же ты зарабатываешь на свою булку с маслом и икрой?

Мы сели в машину и направились по улицам города.

– Много всего было, – продолжил Николай. – И свой бизнес, но не пошел. Но вот уже несколько лет работаю в филиале одного из московских банков. Не обижен, ни работой, ни заработком.

– Свой бизнес сложная работа, – поддержал я. – Это не каждому дано. Я не пробовал – знаю не мое. Все-таки, большая часть населения наемные. И выдержать нагрузку дел, конкуренции не всякий сможет. Хлеб не из легких. К сожалению, многие видят внешнюю сторону, квартиры, машины, отдых. А как это все доставалось? В основном в поте. А ты как в банке? Положение устойчивое?

– Да пока все хорошо. На хорошем счету. Я директор филиала. Бываю и Москве, но все наскоком. А что это ты спросил?

– Да вот потому, что я живу в Москве и немного знаю эту «кухню». Что такое банк в большинстве своем? Супермаркет по продаже финансов. Все прописано. Отклонения не поощряются, свое мнение только когда спросят. Продавай услуги по инструкции. Разве не так?

– Так, конечно. Но платят. И я довольствуюсь тем, что имею. Не тот возраст, чтобы искать лучшие места, которые могут оказаться сомнительными.

– Это ты прав.

Так разговаривая, минут через десять мы подъехали к ресторану. Фасад был стеклянным, что мне понравилось. Я любил кафе и рестораны, где я мог сидеть и видеть улицу. Мы заняли крайний столик у окна. Шторы были прозрачны, и дневной свет позволял не включать лампу на столе. Официантка подошла практически сразу, как только мы расположились, и подала меню.

– Ты знаешь кухню тебе, и заказывать, – предложил я. – Но есть не очень хочется.

– Тогда предложу пока по фирменному рыбному салатику. Из напитков – апельсиновый сок. Потом кофе. Я за рулем, а ты будешь что пить?

– Мне, пожалуйста, красный мартини с оливкой. А так согласен. Дальше посмотрим.

Приняв заказ, официантка удалилась.

– Как ты там в столице? Ты же журналист. Иногда попадают твои статьи. Читаю с удовольствием.

– Спасибо, благодарный читатель, вот на таких читателях и держится моя работа.

– Судя по статьям у тебя достаточно широк круг общения. Интересная жизнь. Знаешь наверняка больше, чем можешь написать.

– Все это так, но хлопотная. Не легкая скажем. Но в основном, то и знаю, что печатают, а вы читаете. Все зависит от газеты или журнала, целей издательства, его владельцев. Укладываемся в общую линию стратегии и тактики – печатают все.

– И как укладываешься?

– В основном да. Я пишу, что мне интересно самому. Получается как бы независимо. А может просто интересно. Тебе, как читателю, лучше знать. Я держусь на вашем чтении, ваших покупках прессы.

– Хорошо. Но вот между строк все-таки, что-то остается? Не может не оставаться. Я вроде бы не глуп и интересуюсь и экономикой и политикой, но не понимаю, что иногда происходит. Собираясь в отпуск, начинаешь думать куда поехать? То ли террористы, то ли катаклизмы, то ли просто попадешь на деньги. Ты встречаешься с людьми знающими, имеющими больше информации, влиятельными. Почему это вещают, что терроризм не имеет лица?

Мне не попадалось в прессе, что террорист католик, христианин, увлеченно говорил Николай. – Нет, есть, конечно, но за ними такие длинные уши ислама. Почему именно эта религия, вдруг оказалась такой агрессивной? Почему они лезут в Европу, Америку. Устраивают там террор? Я в целом не против мусульман, но почему все столь односторонне?

В это время принесли наш заказ. Я сделал глоток из фужера и почувствовал знакомый приятный, чуть горьковатый вкус мартини, смягченный оливкой, плавающей в фужере. Я задумался над его вопросом. Если бы я знал ответы на все вопросы, что мне задают. И все было не так просто. Эти отношения религий всегда были очень тонки.

– Эхо прогресса, – ответил я. – Христианство тоже по локти в крови. Ты вспомни историю.

Времена инквизиции, когда людей казнили за малейшие подозрения против церкви. А рыцари? Приходили и насаждали христианство мечем. А миссионеры? Их вера была самой правильной? Их звали? Кому мешали инки с их цивилизацией и знаниями? Встречали, как гостей, а не как врагов. Вот и надо искать истоки в далеком прошлом. В этих новых странах потихоньку развивалась промышленность, но ведущие посты в ней сохраняли европейцы. Они были образованны в отличие от местного населения. Не умнее, но образованнее. Подрастающее поколение видело это не равенство. Их существование было на положении рабов. Но они тоже хотели вкушать плоды цивилизации, но уровень знаний не позволял этого достичь. В результате появлялось раздражение, озлобленность. Почему пришлые хозяйничают в моей стране? Они привыкли жить по своим укладам. Необходимо также учитывать и то, что это теплые страны. Климат не требовал острой борьбы за выживание населения зимой, как это было в Европе. Но желание получить большее не пропадало. Кому удавалось, уезжали в Европу, в надежде на лучшее. Их принимали, давали не сложную работу и все. Они меняли климат, но не круг. Озлобленность не пропадала.

Отглотнув мартини, я продолжил: – В итоге вспышка насилия со стороны приезжих к местному населению. Мое мнение, что европейцы виноваты в том, что они изначально повели себя так, как, будто у них вина перед этими народами. Это происходит и сейчас. Что вот они такие в общем сытые по сравнению с другими. Надо помочь. А надо было прививать втягивать их в свою культуру. Благотворительность не должна быть с выражением вины на лице. За что извиняться? За то, что сумели развить техническую цивилизацию? Это не вина, а заслуга. А когда помощь регулярна, к ней привыкают. Зачем работать, если и так минимальные потребности можно получить даром. А аппетит приходит во время еды. Хочется больше. Лучшие квартиры, машины. А что ты сделал, чтобы это иметь? А ничего! Вы должны, потому что вы сытые.

Никому не приходит в голову поделиться своим, личным. Если ты имеешь хорошую квартиру, и к тебе приехал бедный родственник и начинает вести себя так, что твоя собственность часть его. Ты будешь согласен? Нет. Ты это заработал.

– Так может быть их всех в резервацию?

– Резервация имеет разное значение. В последнее время чаще ассоциируется с понятием тюрьма на воле, за колючей проволокой. А есть еще – это место, где сохраняются обычаи того народа, который веками жил на этой земле. Им как раз можно выходить, к ним нельзя. Мне больше нравится второе толкование. А нарушители должны отвечать по законам того государства, где живут. Во многих странах это сложилось стихийно. Знаешь, наверное, есть целые районы, где проживают люди одной национальности. Они устанавливают там свои правила. Любой вошедший туда не их группы – чужой. Государство изначально не должно было позволять расширяться этому. Теперь часто бывает уже поздно. Слишком велики масштабы.

– И что? Так теперь и будет? У меня ощущение, что это третья мировая война. Война религий. Только одна сторона нападает, а другая молчит. Почему в исламских странах нападают на учреждения европейских государств, а в Европе этого нет?

– Это уровень религиозности. Влияние на людей. Европа уже больше светская, чем религиозная. Религиозной в таком же смысле она была несколько веков назад. Нужно уметь, хотя бы попытаться договариваться. Сила это уже крайняя мера. Но это не моя компетенция.

– Договариваться? Да, глядя на все это, иногда хочется сбросить на отдельные участки атомную бомбу для профилактики, чтобы другим было не повадно!

– Ты заболтался парень. Там живут люди.

Пересечение времен

Мои воспоминания прервала трель телефона, и только я поднял трубку, как услышал: – Ну, ты все-таки, свинтус. Уже несколько дней в городе и даже не позвонил!

Это был Сергей, мой лучший друг, бывший однокурсник. Мы много проводили времени вместе. Вместе ухаживали за девушками. Нам было всегда, что вспомнить. Иногда мы пере-званивались, иногда виделись, когда он приезжал в Москву, но это было редко. С момента нашей последней встречи прошло около года. Он был женат, у него была замечательная жена и уже взрослый сын. Сам он имел небольшую торговую фирму по бакалейным товарам, как он сам говорил, – «Торговую колониальными товарами». Это давало ему возможность жить в относительном достатке. Он всегда был предприимчивым в отличие от меня, но иногда я его обходил в отношениях с девушками. Не может во всем везти. Если он знакомился с девушкой, то при знакомстве со мной она начинала отдавать предпочтение мне. Он не обижался.

– Привет, Серега! Да не шуми ты! Я всего несколько дней, как приехал. Есть дела и не хотелось ни на что отвлекаться. Поэтому ни кому не звонил. Ты, как понимаю, узнал о моем приезде от Коли?

– Конечно, а как еще. Ладно. Хватит отшельничества. Сегодня в семь вечера жду тебя в ресторане.

Он назвал ресторан и где он находится.

В оговоренное время я входил в зал ресторана. Это был не большой тихий ресторан, с двумя залами, в каждом столиков восемь. В зале был свет, достаточный для освещения и не навязчивый от излишка иллюминации. Окна были зашторены, поэтому дневной свет, как и шум улицы не мешал. Было все достаточно уютно. Я увидел Сергея за столиком у стены. За столом он был не один. Рядом с ним сидела женщина. Сергей сидел лицом к входу и поэтому, когда я вошел, он сразу увидел меня и поднялся мне на встречу раскрыв объятия. Мы обнялись, похлопывая друг друга, и направились к столику. Сергей, осмотрев меня, заметил, что не особенно изменился и должен по – прежнему нравиться женщинам и на его фоне еще лучше.

– Ты грубо льстишь – заметил я. – Но, скорее всего я типичный мужчина средней полосы России.

– Если ты типичный, тогда какой я? Но не будем о себе, еще наговоримся. Я хочу вас познакомиться. Таня, это Макс. Макс, это Таня. Таня, я тебе о нем рассказывал, теперь есть возможность сравнить оригинал с моими фантазиями.

– Здравствуй! – сказал я, чуть осипшим от неожиданной встречи, голосом.

–Здравствуй! Надеюсь, узнал меня? – услышал я голос из далекого прошлого.

– Конечно. Ты всегда была узнаваема.

– Так вы, что знакомы? – выпалил Сергей. – А я думал, что вот будут у них новые знакомые. А оказывается, я опоздал и все в этом мире движется по кругу, даже знакомства. И когда же вы успели познакомиться?

– Потом, Сергей, потом – ответил я. – Это сейчас не так интересно.

– Да мы практически выросли в одном дворе – успокоила его Таня.

Мы сели. Сергей справа от Тани, я напротив нее. Слева кресло осталось свободным, на нем лежала сумочка. Предусмотрительно, подумал я. Выбора не было, и мое место было кем-то, предусмотрено. Не думаю, что Сергеем. Но это и хорошо. Я сам люблю сидеть напротив собеседника, или незнакомого человека, смотреть за его мимикой, руками, выражением глаз.

– Он про тебя, ничего, что на ты? – я кивнул, – сегодня все время вспоминает – сказала Таня. У нее был мягкий спокойный голос. Голос, который я не слышал вот уже двадцать лет, но который не забыл.

– Вот Макс придет, вот увидишь, что еще не перевелись мужчины в расцвете сил. Правда, я не знала, что это будешь ты. Это полная неожиданность для меня, думаю, что для тебя тоже.

– Именно так. А что касается расцвета, то у каждого он свой, как и увядание.

– Ребята, я вам не мешаю? – подал голос Сергей. – А то вы сейчас окунетесь в пучину своих воспоминаний и когда вынырнете не известно, а мне что, сидеть и ждать вас на берегу,

глуша одиночество алкоголем? Раз уж встретились через столько лет, то думаю, еще будет повод предаться воспоминаниям.

– Извини, но мы знакомы были в далеком детстве, а потом пути разошлись, так что воспоминаний не много – объяснила ему Таня.

– Кто знает. В любой встрече по жизни могут быть элементы неожиданности, некоего чуда. Как сейчас – парировал я.

– Все воспоминания потом, а сейчас что будем, есть, пить? Нет, наоборот пить, и есть? – подал инициативу Сергей. – Таня посидит с нами, потом оставит нас на мальчишник – пояснил он мне программу на будущее.

– Знаешь, ты инициатор ты и заказывай. А, Тане, с нами, думаю, будет действительно не весело. Мы же, как канадские лесорубы – в лесу о женщинах, с женщинами о лесе. Поэтому выбор не большой, либо слушать наши воспоминания, раз другим предаться не дают и которые, понимаем только мы, либо отпустить мужчин на волю.

– А почему канадские?

– Для красоты предложения.

– Ах, вон как оказывается все не просто!

Пока Сергей заказывал, а мы беседовали, я рассматривал Таню. Она была очень миловидна. Даже красива. Каштановые волосы, прямые до плеч, как и раньше, и что удивительно в наше время, собственные, оттеняли ее смуглое лицо. Если сейчас многие стараются придать смуглый цвет кожи за счет соляриев, то ей это было не нужно. «Да, все, а-ля натюрель» – подумал я. Брови ровными дугами, огибали глаза. Ближе к переносице они шире и сужались к наружным уголкам глаз. Ее зеленые, чуть раскосые глаза, придавали восточную пикантность лицу. Когда она смеялась, он становились чуть светлее, словно подсвечивались искорками смеха изнутри. Чуть пухлые губы, уголки которых были чуть приподняты, не портили ее. Нос прямой, строго очерченный. Косметики было мало. Да и зачем ей много. Красоту не надо усиливать, ее надо только подчеркивать. Высокая грудь, обтянутая легкой белой блузкой подчеркивала ее натуральность, хотя в наше время это не факт. Я смотрел на нее, и находил, что она изменилась в лучшую сторону. Я машинально сравнивал ее с прежней Таней. Время пошло ей на пользу. Раньше я не смог бы ее так рассмотреть, да и где? Та Таня далеко, а эта сидит напротив и не отводит взгляд, словно, как и я изучает меня.

– Что сильно изменилась?

– Немного, но в лучшую сторону. Это не комплимент. Это правда.

– Спасибо.

Что-то в ней, конечно, изменилось. Может быть влияние того мира, в котором она жила. Возможно, не все складывалось так гладко, как она хотела бы. Остались ссадины на сердце, и отвечать тем же стало необходимостью. У каждого свой способ защиты.

В это время принесли заказ. Мы выпили немного. Легкие закуски иногда отвлекали нас от беседы, но в целом это был разговор, ни о чем. Как выглядит город сейчас, что изменилось и так далее. Примерно через полчаса Таня сообщила нам, что ей пора и поднялась. Мы с Сергеем тоже встали. Он чтобы проводить, я чтобы попрощаться.

– Удачи вам, мужчины. Всего доброго Макс. Увидимся.

– Надеюсь. Ходим по одним улицам.

– Уверена, хотя столько лет ходили по разным.

Сергей пошел проводить. Она шла, стуча каблукками по полу, как бы сообщая о своем уходе. Вскоре звук затих. Да она знала, что она из себя представляет.

Когда они уходили, я смотрел им вслед. Думаю, что Татьяна чувствовала это. Да, очевидно она всегда чувствует внимание мужчин к себе. И это нормально. Важно как к этому относиться. Походка была уверенной. Да, Таня, была женщиной очень высокого уровня. Кроме внешности она была, как и прежде умна, отметил я про себя. Пока мы разговаривали, я обратил

внимание, что ее познания в жизни достаточно широки, к тому же при наличии собственного мнения. Во всяком случае, это была не пустышка для выходов в свет. Она была сама для себя.

Вскоре Сергей вернулся.

– Вы что действительно выросли в одном дворе? – начал Сергей, садясь за стол.

– Нет только, что придумали. Выросли – сильно сказано. Жили в разных дворах, пока были детьми, играли в общие игры, а потом кто куда. Так, что твой не запланированный сюрприз удался. Спасибо.

– А как тебе она?

– Одобряю твой выбор. Во всяком случае, внешне на высшем уровне. Да так на первый взгляд не глупа.

– Будь спокоен, внутри такая же хорошая. Когда у нас тобой были плохие женщины?

– Что значит внутри?

– Внутри это значит в душе и по уму.

– Ах, вон это что значит! А ты что, успел заглянуть в душу? Сам все рассмотрел или?

– Хамишь?

– Нет, только разминаюсь

– Но она действительно умна, начитана.

– А ты знаешь, что красивая и умная женщина опасна для окружающих? И когда она успела это все взять от природы? – спросил я, не говоря о том, что я ее не так плохо знал, но не хотел об этом говорить, иначе придется все рассказывать.

– От щедрот Господних. Оказалась в нужное время в нужном месте. Ну и сумела все это не растерять по дороге жизни к нашей с ней встречи.

– Не растеряла бы теперь.

– Ладно, давай лучше выпьем, – предложил Серега. – Выпьем, по мужски, водочки, хотя знаю, что ты не любитель ее, и просто поговорим. Тем более, что мне надо с тобой посоветоваться, как с опытным товарищем, другом, не растерявшим своей привлекательности дожив до седины и оставшегося, до сих пор холостяком. У тебя иной взгляд на жизнь, как холостяка.

Мы выпили по рюмке залпом и замолчали, вкушая холодный напиток.

– Ты, наверное, понял, – продолжил Сергей, – что Таня здесь не зря оказалась. Это я оказался на перепутье. Мне очень нравится Таня, и не просто нравится. Но ты все знаешь, семья у меня не плохая. Лиза замечательная женщина, сын Дмитрий. Но вот нет уже тех отношений, что были раньше. Что-то ускользает. Все вроде бы как прежде, а вот тяги к дому нет. Там все уже ясно. Я понимаю, что возраст, но хочется иногда и романтики в доме. Может быть это синдром хронической усталости от совместной жизни? Что скажешь?

– Это мозги у тебя ускользают. И не факт осталось ли еще что-то. Романтика? Ну, сходи в поход, потаскай рюкзак, вспомни молодость. Да и не может быть тех отношений, что были раньше, не может. Мы все другие. К тому же Серега, я не настолько мудр, чтобы давать советы в подобных случаях. С сединой, как ты заметил, появляется опыт собственной жизни, собственных ошибок. Я понял, что не люблю давать советы. Совет – это побуждение к действию, рекомендация как действовать. И тот, кто советует, берет часть ответственности за последствия на себя. Я не боюсь ответственности в целом, но не в подобных случаях, в отношениях людей и не просто людей, а мужчины и женщины. Если ты, последуешь моему совету, и что-то не заладится, я буду чувствовать себя виноватым перед тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.